

Первый архитектор Забайкалья

ТЕКСТ

Николай Крадин

подбор иллюстраций
Николай КрадинГенплан Нерчинского
Завода. 1837. Л. Иванов.
ГАЧО, ф. 31, оп. 5, д. 1869.

1. Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. Т.1. Новосибирск: «Наука». 2000. С.154.

2. Нерчинский округ ведомства Кабинета Его Императорского Величества. Хабаровск. 1913. С.12.
3. Кондаков С.Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764-1914. Ч.2. Биографическая. СПб., 1914. С.334. Известно, что с конца XVIII в. в ИАХ принимали десятилетних отроков. После окончания воспитательных классов учеников (возможно, не всех) оставляли при Академии «для усовершенствования», где они обучались до 21 года. Лишь с 1830-х годов, после новой реформы художественного образования, в ИАХ стали принимать одаренных в творческом отношении молодых людей юношеского возраста (См.: Крашенинников А.Ф. Зодчие Москвы времени барокко и классицизма. М.: Прогресс-Традиция. 2004. С.10,11).

4. Давидович И. Загубленный талант // Забайкальский рабочий. 1959. 16 апреля; Жеребцов Г. Первый архитектор Забайкалья // Забайкальский рабочий. 1977. 7 января.

5. ГАЧО, ф.31, оп.2, д.53, л.5.

6. Там же.

7. ЦГИА СПб., ф.468, оп.20, д.1613.

8. Для сравнения: К.И. Росси в Петербурге получал в 1822 г. шесть тысяч годовых, а в 1827 г. - 15 тысяч рублей в год.

Исследование творческой деятельности российских зодчих прошлых времен очень часто затрудняется отсутствием о них подробных сведений. Даже многолетние архивные исследования часто не позволяют отыскать о них хоть какие-то данные. В первую очередь это касается архитекторов, работавших на российских окраинах в XVIII-XIX в., хотя о многих архитекторах и начала XX в. тоже не всегда удается отыскать сколько-нибудь подробную информацию. Иногда проходят не просто годы, а десятилетия исследований и поисков, в результате чего вырисовывается творческая биография зодчего. Красноречивым примером таких поисков могут служить почти

35-летние исследования и поиски автора настоящей статьи об одном из первых профессиональных архитекторов Забайкалья. Имя этого зодчего, практически совершенно неизвестного современному архитектору, связано с выдающимися мастерами русской архитектуры первой трети XIX в., такими как К.И. Росси, В.П. Стасов, А.И. Мельников, А.А. Михайлов, О.Р. Монферран, которых он видел в Петербурге, а у некоторых из них и учился в Академии Художеств. Речь в статье пойдет о Лаврентии Иванове, которого по праву следует считать первым профессиональным забайкальским архитектором.

Открытие месторождений серебряноцинковых руд в Забайкалье и их разработка уже в середине XVIII в. потребовали специалистов не только горного дела, но также архитекторов и строителей. Появление на юго-востоке Забайкалья в 1760-1770-х гг. большого количества казенных серебряноплавильных заводов вызвало создание необходимой инфраструктуры и устройства поселений при них. Учитывая важность продукции, добываемой на рудниках, в конце 1780-х гг. Нерчинские заводы перешли под опеку Царского дома¹, что обеспечивало контроль над добычей стратегически важных металлов, так необходимых России.

Нерчинский горный округ, включавший в себя огромную по площади территорию пяти уездов (Нерчинский, Нерчинско-Заводский, Акиншинский, Читинский, Верхнеудинский), находился во владении Кабинета Его Императорского Величества вплоть до революции 1917 г. Уезды имели различную площадь и разное количество населения, общая численность которого (по всему округу) составляла около 425 тысяч человек. Распределение населения по уездам было обусловлено такими определяющими факторами, как географические условия, наличие рек и пахотных земель, наличие в уездах поселений, в том числе и городов. Благодаря именно

этим факторам численность населения Читинского уезда составляла почти 184 тысячи, а Нерчинского – более 99 тысяч человек².

Еще и в начале XIX в. все строительство на рудниках осуществлялось местными силами, без специалистов, знающих архитектуру. По этой причине практически все необходимые здания возводились из дерева и представляли собой примитивные постройки. В первой трети XIX столетия руководство округа предпринимает попытки решить вопрос со специалистами, направляя в Петербург учеников из местных жителей. В числе заводских стипендиатов оказался в 1820 г. и маркшейдерский ученик Лаврентий Иванов, направленный для обучения архитектурному искусству в Петербургскую Академию Художеств. К сожалению, сколько-нибудь точных и подробных биографических сведений об этом первом забайкальском архитекторе до сих пор не выявлено, хотя исследования последних лет позволили обнаружить в государственном архиве Читинской области (ГАЧО) довольно значительный массив проектных материалов, выполненных, а также подписанных Ивановым.

В качестве первого источника, в котором имеется упоминание об Иванове, следует назвать биографический справочник о воспитанниках и выпускниках

Академии художеств. В нем отмечается, что родился Иванов в 1803 г. Как маркшейдерский ученик Нерчинских горных заводов, он в 1820 г. был «включен за счет кабинета Е.И.В. в число оставленных при Академии художеств для усовершенствования, так как имел 17 лет от роду»³. Более подробных сведений об архитекторе длительное время не имелось, поэтому имя его почти до середины XX в. оставалось в забвении. Забайкальские краеведы И.М. Давидович и Г.А. Жеребцов в 1950-70-е годы заново открыли имя Иванова – архитектора-академиста. Некоторые данные о нем, основанные на архивных изысканиях, были опубликованы в местной печати⁴. В частности, Г.А. Жеребцову удалось найти архивный документ и уточнить тем самым дату рождения Иванова. В метрической книге Петропавловского собора в Нерчинском Заводе среди записей о новорожденных оказалась и такая: «11 августа 1804 – незаконнорожденный родился сын Лаврентий. Восприемник священник Лихачев»⁵. Архивные документы помогли выявить не только дату рождения, но и социальное происхождение будущего зодчего – «из солдатских детей».

Социальное происхождение Иванова подтверждается и другим архивным документом, относящимся уже к моменту его возвращения в

Нерчинский Завод после обучения в столице и трехлетне-го пребывания в Барнауле. В краткой характеристике о нем в этом историческом документе сказано следующее: «Лаврентий Иванов, 26 лет, из солдатских, в должности архитектора, холост (находится при постройке казенных зданий). Командирован в СПб. в январе 1920 для обучения архитектурному искусству. Произведен в шихмейстеры 13 класса и командирован в Колыванские заводы в 1827 г. В 1830 из Колыванских заводов определен в Нерчинские заводы. По приезду определен на должность по архитектурному искусству».

В течение семи лет обучения Л. Иванов находился в учебных классах, а последние два года – на строительных площадках. Занятия в Академии поглощали все время. Понимая важность миссии, возлагаемой на него начальством Нерчинского горного округа, Иванов старался постигать науки как следует и довольно преуспел в них. Окончив в 1825 г. курс в учебных классах, он изучал после этого «практическую архитектуру под смотрением г.г. (господ – Н.К.) архитекторов Росси и Михайлова»⁷. Любопытно, что за свои успехи в постижении наук Л. Иванов заслуживал получения аттестата или диплома, выдаваемых тем, кто проявил особые способности в учебе и отличное поведение. Такой документ давал право на получение особых привилегий. В первую очередь – это звание художника XIV класса, затем – особые права, преимущества и привилегии, которыми «ученики жалуются и утверждают с их детьми и потомками в вечные годы быть совершенно свободными и вольными». А самая главная привилегия заключалась в том, что обладателей подобного диплома никакие правительства не могли принуждать «ни в военную, ни в штатскую службу и без добровольного с ними договора ни к какой работе и не приневольивать», а поступать с ними можно было исключительно только «как с вольными и свободными людьми»⁷.

С таким положением дел никак не мог согласиться Кабинет, поэтому его руководство обратилось в Акаде-

мию с просьбой о выдаче Л. Иванову одного только свидетельства «о поведении и успехах его в науках». Начальство, потратившее на обучение и содержание Л. Иванова 4593 руб. (за весь период его пребывания в Петербурге)⁸, даже и в мыслях не желало допустить, чтобы Иванов после получения диплома с привилегиями мог воспользоваться «своими правами, оным присвоенными». О деталях курьезного положения выпускника свидетельствует сам текст документа об образовании, выданного Иванову в Академии: «Свидетельство, данное из Императорской Академии художеств маркшейдерскому ученику Лаврентию Иванову в том, что он с 21 мая 1820 г. обучался в сей Академии в качестве пенсионера Кабинета Его Императорского Величества на счет оного архитектурному художеству, во все время нахождения его в Академии он был поведения примерно хорошего, в учении оказывал отличные успехи, так что за архитектурные композиции удостоен в получении двух серебряных медалей второго и первого достоинства, по сему самому заслуживает он награжденным быть при увольнении его из Императорской Академии аттестатом первой степени, с коим сопряжено звание художника 14 класса и некоторые особые права и преимущества, во Всемилостивейше дарованной Академии привилегии изъясненные, ныне же по требованию Кабинета ЕИВ от 18 мая 1827 г. под № 2448 он, Иванов, вовсе уволен из Академии, по уверению чего и дано ему согласно с помянутыми требованиями Кабинета ЕИВ из Императорской Академии художеств сие свидетельство о похвальном поведении и отличных успехах его по части архитектуры с приложением меньшей печати. СПб. 1827, июля 12 дня. Президент Императорской Академии художеств А.Н. Оленин»⁹.

Лишенный прав на самостоятельное решение своего трудоустройства в будущем, Л. Иванов оказался подневольным архитектором Нерчинской каторги. Правильно, видимо, один из забайкальских краеведов назвал его «загубленным талантом».

Можно предположить, каким было возвращение архитектора из столицы вначале на Алтай, а потом и в родное для него Забайкалье. В Петербурге он в течение семи лет наблюдал, какие там возводятся гигантские архитектурные ансамбли и сооружения. Контраст между тем, что происходило в столице, и тем, что наблюдалось на окраинах Российского государства, был разительным. Работая в течение двух лет в команде К.И. Росси, пусть даже стажером, Лаврентий и сам, пусть на непродолжительное время, стал участником гигантских преобразований Российской столицы. К сожалению, остается лишь догадываться, на каких именно постройках работал Иванов, чем занимался, делал ли исполнительные чертежи, и сохранились ли об этом хоть какие-то сведения в петербургских архивах.

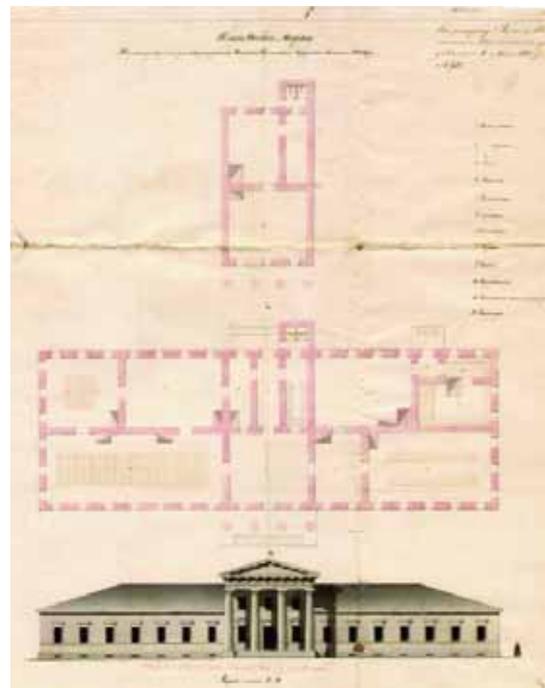
Спустя восемь лет после отправки Иванова в Петербург 3 марта 1828 г. начальник Нерчинских заводов фон Фриш запросил рапортом Кабинет ЕИВ о судьбе своего стипендиата: «...местному же здесь начальству не известно, выпущен ли и скоро ли возвратится отпущенный отсюда в Санкт-Петербург 1920 года, для изучения в Академии художеств архитектуры, маркшейдерский ученик Лаврентий Иванов, к содержанию коего и воспитанию на него здешним заводом употреблено поныне 4593 рубля». Начальник Нерчинских заводов сетовал на то, что при заводах «постройка казенных, токмо деревянных зданий производится без всякого правила, за неимением человека, знающего основательно архитектуру, от чего здания ни в основании, ни в составе, ни в стенах не имеют должной прочности, ни надлежащей проекции в разрезе, ни выгодного расположения, причем и расходы большею частью превосходят... сметы. ...А посему, за истинною необходимостью иметь при Заводе архитектора осмеливаюсь Кабинет ЕИВ просить, дабы со благоволено было помянутого Иванова, по выпуске из Академии в звании архитектора, отправить на здешние заводы или снабдить оные иным знающим твердо архи-

тектуру художником, и о том уведомить меня резолюцией». Ответ последовал два месяца спустя. Понимая обеспокоенность Фриша неблагоприятным положением дел на Нерчинских заводах, Кабинет ЕИВ сообщил, что «...Иванов в прошедшем году выпущен уже из Академии, и Кабинетом по произведении в шихмейстеры, по надобности в архитекторе Колывано-Воскресенским заводам, командирован в оные, и о том дано знать сей экспедиции; находящийся же здесь при г. архитекторе Росси для практического обучения архитектор штата тех заводов маркшейдерский ученик Попов по производстве его Кабинетом 19 марта сего года в шихмейстеры, по воле господина Министра управляющего Кабинетом оставлен при г. Росси еще на один год для усовершенствования; вследствие чего Кабинет на выше писанный рапорт исправляющего должность начальника Нерчинских заводов г. Фриша определил: Нерчинскую горную экспедицию уведомить, что шихмейстер Иванов, по миновании в нем надобности Колывано-Воскресенским заводом, по приехании туда шихмейстера Попова, обучающегося так же, как и он здесь архитектуре, будет отправлен в Нерчинские заводы. О чем оной экспедиции и дается знать»¹⁰.

Пытаясь, тем не менее,

9. ЦГИА СПб., ф.468, оп.20, д.1613; ГАЧО, ф.31, оп.1, д.1553.
10. ГАЧО, ф.31, оп.1, д.927, л.20,21.
11. Там же, л.32.
12. Там же, л.35.
13. Баландин С.Н. Архитектура Барнаула. Барнаул. 1974.
14. Степанская Т.М. Сибирское промышленное зодчество XVIII-XIX в Автореферат... кандидата искусствоведения. Л. 1979; Долнаков А.П., Долнакова Е.А., Зотеева Л.А., Степанская Т.М. Памятники архитектуры Барнаула. Барнаул. 1982. С.22, 48, 55; Степанская Т.М. Архитектура Алтая XVIII-начала XX в. Барнаул. 1995; Степанская Т.М. Промышленное зодчество Алтая XVIII-XIX в. как памятник архитектуры России // Промышленное зодчество Алтая: Материалы межрегиональной научной конференции. Барнаул. 1996. С.5-23.
15. Тарановская М.З. Карл Росси: архитектор, градостроитель, художник. М.: Стройиздат. ЛО. 1980. С.32,37.
16. ГАЧО, ф.31, оп.1, д.927, л.51.

Для учеников Нерчинского окружного училища. Л. Иванов. 1848. ГАЧО, ф. 31, оп. 5, д., 659 / л.3.

решить свою проблему, Фриш отправляет депешу в Барнаул – начальнику Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролову в надежде вернуть все-таки как можно скорее так нужного в Забайкалье специалиста. Однако ответом из Барнаула 17 июня 1829 г. надежды эти были развеяны: «...честь имею уведомить, что по надобности Колыванским заводам в архитекторе Кабинет ЕИВ командировал в оные шихмейстера 13 класса Иванова и 16 февраля 1828 г. бывшей канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства предписал определить его к должности, соответственной знанию и способности. А как по прибытии г. Иванова в заводы под руководством его начаты уже в Барнауле многие каменные устройства, то и не могу ныне отправить его в Нерчинск, тем более, что и Кабинет ЕИВ в означенном предписании ничего об от-правке его из Колыванских в Нерчинские заводы не упомянул»¹¹.

Пока шла многомесячная переписка, время пребывания Иванова на Алтае подходило к концу, и вскоре в экспедицию Нерчинских горных заводов из Петербурга пошло обнадеживающее известие, в котором Кабинетом ЕИВ сообщалось: «Находившийся здесь при г. архитекторе Росси для усовершенствования в теории и практике по части архитектуры штата Колывано-Воскресенских заводов шихмейстер Попов, по приобретением по засидетельствованию г. Росси познания в архитектуре, Кабинетом Его Величества, согласно разрешению г. Министра и управляющего оным, отправлен на службу в помянутые заводы; а потому начальнику оных

г. обер-бернгауптману Фролову предписано по приезде Попова в заводы определить его при оных в должности архитектора, а шихмейстера Иванова, занимающего означенную должность, отправить на узаконенном порядке по принадлежности в Нерчинские заводы на счет оных. О чем Кабинет Его Величества, уведомляя Вас, рекомендует по приезде шихмейстера Иванова в Нерчинские заводы определить его при оных к архитектурной должности с жалованием по чину»¹². В марте 1830 г., после десятилетнего отсутствия, Лаврентий Иванов вернулся в родное Забайкалье.

Прежде чем говорить о творческом пути Л. Иванова в Нерчинских заводах и созданных им там произведениях, интересно было бы познакомиться с его работами, выполненными в Колывано-Воскресенских заводах. Известно, что Л. Иванов, а после него и Я. Попов трудились над созданием ансамбля центра горного города-завода Барнаула. Кроме значительного вклада Лаврентия Иванова в формирование центральной площади Барнаула исследователями сибирской архитектуры выявлены и другие постройки этого архитектора¹³. На Алтае Иванов был востребован, и выполнял он в течение двух лет не только деревянные постройки. Кстати, начальник Колыванских заводов Фролов в своем ответе в Нерчинский Завод как раз и упоминал о том, что под руководством Иванова «начаты уже в Барнауле многие каменные устройства», а потому возвращение его в Нерчинские заводы на тот момент представлялось невозможным. В работах Т.М. Степанской имя Иванова и его работы на Колывано-Воскресенских заво-

дах не только упоминаются, но и кратко анализируются¹⁴. Таким образом, благодаря многолетним исследованиям Баландина С.Н. и Степанской Т.М. выявлены ценные архивные материалы, касающиеся архитектурной деятельности Л.И. Иванова, а также некоторые биографические данные этого архитектора и выполненные им проектные материалы.

Практически все названные выше исследователи в своих публикациях утверждали, что оба пенсионера горных заводов (Нерчинских – Л. Иванов и Колыванских – Я. Попов) учились в Академии художеств у знаменитого зодчего К.И. Росси. На самом деле, как известно, Росси в Академии не преподавал, он только опекал на своих стройках прикомандированных к нему воспитанников этого учебного заведения после завершения ими научного (теоретического) курса, направлявшихся к мастеру с целью приобретения ими практических навыков в строительном искусстве. Прохождение практики у великого зодчего в течение нескольких лет конечно же давало основательные практические навыки его учениками, однако говорить, что они учились у Росси в Академии художеств – неверно. К Академии художеств К.И. Росси имел отношение как избранный в 1822 г. ее почетным вольным общником. Тарановская М.З., автор монографического исследования о творческой деятельности К.И. Росси, упоминает о том, что этот «первый по вкусу и таланту» ведущий зодчий Петербурга неоднократно обучал на своих стройках прикомандированных к нему воспитанников Академии. Видимо, данное обстоятельство тоже послужило основанием для Тарановской, чтобы назвать Иванова и Попова учениками этого мастера. Как отмечено в ее монографическом исследовании о творчестве Росси, «Учениками Росси архитекторами Л. Ивановым и Я. Поповым был создан известный ансамбль центра горного города-завода Барнаула»¹⁵.

Практика у великого мастера, а затем и более чем двухлетнее пребывание в

Барнауле стали для Иванова серьезной практической школой. Найденные в архивах некоторые проектные чертежи, выполненные им на Алтае, свидетельствуют о солидной его подготовке и прекрасной практической школе, которую он прошел у Росси. Уже осенью 1827 г., сразу же по прибытии в Барнаул, Иванов осуществлял руководство строительством двух плавильных фабрик. Одновременно он принялся за разработку проектов здания горного училища, богадельни с церковью и заводской площади. Все эти объекты, по замыслу начальника Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролова, должны были стать частью городского общественного центра. Разрабатывая проект горного училища с горносиротским отделением, Л. Иванов придерживался стилистики позднего классицизма, придав зданию столичный размах. Главный фасад Г-образного в плане здания имеет четко выраженную трехосевую композицию – восьмиколонный дорический портик в центре и два фланговых слабо выраженных ризалита.

Еще до возвращения Л. Иванова в Нерчинский Завод для него были определены работы, которыми архитектору предстояло заняться в первую очередь. Среди них – постройка нового жилого дома для начальника Нерчинского горного округа. Деревянный дом для него стали строить еще несколько лет назад, и он стоял уже почти готовый, однако Кабинет ЕИВ принял решение – «по прибытии в заводы архитектора шихмейстера Иванова приказать ему заложенный в 1825 году дом для жительства начальника заводов строением окончить, расположив оной к удобному помещению присутственных мест и упрочив надлежащим образом; а предполагаемому к постройке вновь начальническому дому, сообразно с местными обстоятельствами, составить план и фасад, которые вместе со сметой прислать на утверждение в Кабинет»¹⁶.

(продолжение следует)

Проект стеклянной фабрики при Шилкинском Заводе. Арх. Л. Иванов. 1847. Фасад, разрез, план. ГАЧО, ф. 31, оп. 5, д. 648, л. 1, 2.